

Тимур КИБИРОВ

*время
подумать
уже
о душе*

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХV

Саммерт горит, правду не стесав
ни на земле, ни вше, стал удивител.

Ути, с правдоискательским гласом
спрается порождение. А Моцарт...

Ах, Моцарт, Моцарт! Ты-то почему
не ищешь эдак правду и не ропщешь
на полное отсутствие ее?

Наверное, ты перосифон...

Ну а слушатель,
слышав "Женихову Фигаро" и вбалив
нашишки, вдруг узнает, что правда,
исконная, взанправданная правда,
похоте существует...

Ушам своим не верит пассажир.

Г. Курел

Тимур КИБИРОВ

*время
подумать
уже
о душе*

2014–2015

(своевременная книжка)

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХV

ББК 84.Р7
К 38

Марка издательства работы
С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-246-3

© Т. Ю. Кибиров, 2015

Музам служит, а с головой не дружит.

В. Путин

(на встрече с литераторами)

Служенье муз и дружба с головою,
Особенно плешивой и седою,
Две вещи — нет, не то чтобы совсем
Уж несовместные, но далеко не всем
Моим коллегам это совмещенье
Желанно. Широко бытует мненье,
Что нам в отличие от иных людей
Положено по должности, скорей,
Бесстыдство, бузотерство и безумье,
Чем благонравье и благоразумье.

Я так не думаю. Как Пушкин молодой
Готов я в здравии приветствовать одной
И муз, и разум, и чтоб тьма сокрылась.
И вся натура мигом просветилась.

С благою этой целью я решил,
Пока не поздно, и что было сил,
Не мысля ни забавить, ни лукавить,
Свободу в наш жестокий век восславить
И, глядя в зеркало, шепнуть: «Товарищ, верь!
Вспрянь ото сна, дружок, уже теперь,
Не стоит ждать храпящую Россию,
И веки подымать не стоит Вию.
Но честь пора бы знать нам наконец!
О, только пикни, бедный мой певец!»

А возвращаясь к этому двустишью,
Скажу, что нахожу его бесстыжей
И глупой шуточкой, тем более в устах
Того, кто и за совесть, и за страх

Владеет восемьюдесятью с лишним
Процентами сограждан и Всевышним
Доселе попускается. С какой
Он сам-то подружился головой?
А то, чему или кому он служит,
Не всякий экзорцист, пожалуй, сдюжит.
Ну в общем — врачу, исцелился сам.

Служенье муз не терпит этот срам.

Что-то всё барахлит, не фурычит,
Не стыкуется и дребезжит...
Гамаюн ли над Волгой курлычет,
MTV ли над Обью визжит?

Неужели уже доигрались?
Мы ведь только входили во вкус,
Отрывались. И вот оторвались.
Нет контакта. Свободны от уз.

Что-то всё зависает и глохнет
И разваливается по частям...
Знать, читали Инструкции плохо.
Да они и не писаны нам.

Гамаюн ли подводит итоги,
НТВ ли берёт нас на понт...
Знать, прошли гарантийные сроки.
Нам придётся платить за ремонт.

Далеко ль до беды? — Недалече.
Так вот прямо, милоч, и ступай.
Ну, бывай, до свиданья, до встречи,
А потом уж ни в жизнь не бывай!

И рассыпался вьюгою в очи,
И пропал хитрован-мужичок.
Время к ночи, дорога короче,
Волчьим глазом блеснул огонёк.

Еду-еду один в чистом поле,
Нет, не воин, а беглый холоп.
И куда уж мне! Вольному воля,
Сон мертвецкий, пуховый сугроб.

Но бессонные зенки таращу
В эту мутную снежную тьму,
Зверь-шатун, шаромыга пропащий
И дразнящий тюрьму да суму.

Изгаляются страх и отвага
Над моей небольшою душой...
Так сижу я над белой бумагой
Чёрной ночью на кухне чужой.

Премьер-министр Столыпин
Отвечил писателю Толстому,
Пытаясь объяснить матёрому человечещу
Основы своей социально-экономической политики.

А вот премьер-министр Медведев
Не отвечает писателю Акунину
И не собирается ничего ему объяснять.

Интересно почему?

Потому ли, что Медведев, ясное дело,
Не Столыпин?

Потому ли, что Акунин
Недостаточно матёрый?

Или потому, что бывает
Такая социально-экономическая политика,
которую фиг объяснишь?

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА, ПОПУГАЯ И СОВУ

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла.

А. Блок

По пустыне ледяной
Бродит человек лихой.

Обер-прокурор Синода
Распростёр над ним крыла,
Чтоб масонская свобода
Лихача не завлекла.

Потому что на осинке
Не рождаются апельсинки.

Так что, брат, не обессудь —
Под совиным строгим взором,
Под надзором прокурора
Обновляй на дровнях путь.

Но с душою геттингенской
Вдруг откуда ни возьмись
Выскочил интеллигентик,
Прогрессист-экономист!

Он безбожник и ботаник
Тщится с цифрами в руках
Обеспечить процветанье
На ледовых площадях.

Наши вечные мерзлоты
Он берётся растопить,
Непогоды, недороды
В одночасье прекратить.

«Тары-бары растабары,
Изотермы, изобары!
Просвещайте тёмный лес!
Ледовито наше море
Из-за обер-прокурора —
Солнце застит мракобес!

Коль Сове подрежем крылья,
Воцарится изобилье!
Уродится апельсин
На ветвях родных осин!

И во обществе гражданском
Лиходей наш будет рад,
Пить, занюхав флер-д-оранжем,
Вместо водки оранжад!

Лихолетье наше минет!
Лихоимство запретят!..»
Так над ледяной пустыней
Век за веком голосят.

Во местах не столь далёких,
Во последних временах
Продолжают, дурни, склоку
На отеческих гробах.

Два властителя лукавых —
Книжник versus фарисей.
Пощади Ты, Боже правый,
Нас, лихих Твоих людей!

Длится, длится спор постылый...
Полюбуйтесь, каковы —
И сова давно без крыльев,
И ботан без головы!

На диване, в халате
Я что твой Чаадаев.
На душе хреновато,
А вокруг и подавно.

Вне кружка абажура
Мрак лежит непочатый.
Чтобы стать нецензурным,
Надо быть непечатным.

Это мы проходили,
Это нам задавали.
Всё по-прежнему в силе
И ослабнет едва ли.

Чу! идёт год культуры,
Распеваает и пляшет.
Всё в полнейшем ажуре,
Словно блядские ляжки.

Чаадаев ты хренов!
Или всё-таки херов?
В жалком свете торшера
Зябко, как на арене.

На Мерседесе красная звезда,
Увитая георгиевской лентой,
И надпись шрифтом пламенным — «Броня
Крепка и танки наши быстры!»

О гордый внук славян и ныне дикий!
Сим победиши! Это ведь не тюнинг
Какой-нибудь, а — Господи прости! —
Преображенье истинное! Ныне

Твой битый мерс уже не иномарка
Подержанная, а непобедимый
И легендарный Т-34!
И за рулём его уже не ты,
Вернее, ты, но уж не тот, не прежний
Одутловатый менеджер продаж,
А светлоокий витязь святорусский,
Отмстить собирающийся неразумной Меркель!..

Так в истине и духе посрамлён
Материалистический, кичливый
Безбожный Запад. С нас вполне довольно
Сего сознания. Пусть плоть опять похмельна,
Но Дух-то бодр! и крепок. Ой, вы скрепы!

Да ой вы скрепы мои скрепы,
Скрепы новые мои,
Скрепы новые,
Духовные,
Решётчатые!

Один со страху мочится,
Другой бесстрашно мочит.
Печальные пророчества
Сбылись в сортире отчем.

Ссыкун, не бойся кесаря,
Пацан, побойся Бога!
А ну как сила крестная
Нагрянет на подмогу?

Ну хорошо. Давайте предположим,
Что Бог на самом деле существует...

Да-да, я понимаю, вы крещёный
И православный... Но положим, Он
Вполне реален и конкретен!.. Нет,
Я тоже православный, кто ж ещё..
Речь не о том...

Представим на минутку,
Что Он взаправду есть, и не вообще
Какой-нибудь, а Тот, за нас распятый,
Тот самый, как на Плащанице. Ну?..
Не понимаете?

Он есть, и значит, Он
Всевидящий, Всезнающий... Ну что?..
Не страшно?.. Правда?.. Нет, наверно, вы
Не поняли... Вот Он глядит и видит
Всё это... и всё то, что там, внутри...
Нет? Ничего?.. Как странно... Ну тогда
Наверно, вас уже не остановишь...

С кем это «с нами» Бог? Вы что, серьёзно?
Да, нет, не возражаю, отчего ж...
Конечно, с нами, с кем же быть Ему...
Да мы-то сами чёрт-те с кем... О'кей,
Я больше поминать не буду чёрта.
В доме повешенного, так сказать... Чего?!
Да вы сначала говорить по-русски
Нормально научитесь!.. Да пошёл
Ты сам, ублюдок!... Богоносцы, блин!
Да чтоб вы все...

О Господи мой Боже!

Похоже, сам я слишком ненадолго
Тебя представил и не слишком чётко
Вообразил Твое Лицо!.. Не надо.
Ты не смотри, пожалуйста, на нас!

И не смотря на всё это, помилуй
Нас, Господи!.. Хоть не совсем Твоя
Мы люди оказались... Ну помилуй
Нас, Господи! Помилуй нас, Реальный,
Вполне Конкретный и вполне Распятый,
Всеведущий и Вездесущий Бог!

ИСКАЖЕНИЕ КЛАССИКИ

Умом понять не разрешают
И только верить нам велят.
От низких истин защищает
Без лести преданный солдат.

Видок по телеку вещает,
Дундук в Минкульте заседает,
Клеветники шумят, как встарь:
«Вот бука, бука — русский царь!»

И раб судьбу благословляет.

Мы ехали шагом, мы мчались в боях
И гимн михалковский сжимали в зубах.

Мы всех зазывали в наш радостный хор.
Но медлит с ответом мечтатель-хохол.

Я отпуск оформил, пошел воевать.
Чтоб геям-злодеям Донбасс не отдать.

Нас вырастил Сталин, а вас Пентагон!
Батяня комбат открывает огонь!

Я видел — над трупом склонилась луна
И мертвые губы шепнули: «Крым на...»

Не только мёртвые сраму не имут.
Его не имут и глупые тоже.
Ну и, конечно, не имут бесстыжие.
И бесноватые. И сами бесы.

Ну, в общем, сраму полным-полно,
Сплошной ведь срам, говоря по правде,
Но его никто не имеет уже.
Ни ты, ни я. Срам да и только.

Сладко мне с тобой, Жуковский,
Время коротать,
И о мерзости кремлёвской
Ничего не знать.

И клевать понурым носом
В сонной тишине.
Наболевшие вопросы
Врачевать не мне.

Ах, Василий мой Андреич,
Бедный мой певец,
Тут не может быть и речи,
В этом я не спец.

Спой мне, спой мне! Или, хочешь —
Я тебе спою,
Этой песенкой полночной
Горюшко завью.

Нам в крещенский вечерочек
Нечего гадать.
Ночь идёт без проволочек.
Время почивать.

Смертных ропот безрассуден,
Непробудны сны.
Этой музыке приبلудной
Внемлем мы одни.

Мы одни с тобой остались
Бездны на краю.
Эка жалость, эка малость...
Баюшки баю.

Вот снова я включаю
(О, Господи, зачем?!)
И пялюсь в телевизор,
Дивлюсь ублюдкам тем,
От ненависти нем.

Сливаются их лица
В единое мурло,
И шип змеиный слышен
Отчётливо и зло
Сквозь чёртово стекло:

«А ну давай отсюда!
Покинь мою юдоль!
Покинь мой мир и век мой!
А то — пройти изволь
Дресс-код и фейс-контроль!»

И ошалев от страха,
Не находя ответ,
Я вырубаю ящик
И выключаю свет.
Но сна в помине нет.

И в темноте безбрежной,
В кромешной тишине
Изменница-Психея
Нашёптывает мне
Отчётливо вполне:

«Давай уйдём отсюда!
Ну погляди окрест —
Нам здесь совсем не место,
Мы не из этих мест.
Пора уж знать и честь».

Любить великую Отчизну,
Простой и мудрый наш народ.
Не пощадить ни сил, ни жизни,
Когда нас Родина пошлёт.

Любить родимые пейзажи,
Леса, просёлки, колоски.
И слабый пол любить, и даже
Надрыв лирической тоски!

Любить культуру и искусство,
Приплясывать и подпевать.
Питать возвышенные чувства,
Надежды гордые питать.

Любить историю родную,
Наследье дедов и отцов
И нашу славу боевую,
И гром побед, и звон клинков.

Любить, как мать, любить, как сына!
Любить, хранить, оберегать!
В слезах берёзки и осины,
И лиственницы обнимать!

Любить, сверкая блеском стали,
Бить всех, кто это разлюбил!..

Так завещал великий Гитлер,
Так доктор Геббельс нас учил.

Ах, евроатлантические страны,
Почто вы отреклись от христианских ценностей,
То есть от самой основы западной цивилизации?! —
Сетует Президент Российской Федерации
Владимир Владимирович Путин

И ставит меня
Как неистового поборника этих самых ценностей
И рьяного сторонника этой самой цивилизации
В крайне неловкое положение.

Приличия вроде бы требуют
С пеной у рта
Отрицать его правоту.

Но это ведь значит
Утверждать, разуму вопреки,
Что никто ни от чего не отрекался
И что путинский коллега Олланд
Остается истовым и правоверным сыном
Святой римско-католической церкви
И готов лобзать туфлю папе Франциску.
А может даже устроить
Напротив центра Пампиду
Аутодафе!

Или же
(Что совсем уж нелепо)
Придётся в полемическом задоре заявить,
Что отречение от Господа нашего Иисуса Христа
Способствовало много украшению Европы,

Поскольку основали её отнюдь не клирики с клерикалами,
А Робеспьер
Да Фрейд
Да Роллинг Стоунс!

Многие дураки так и делают.

Но ведь и согласие с ним (с Путиным)
Мало того, что непристойно,
Но ещё и означает ведь признание того,
Что офицеры Комитета Государственной Безопасности СССР
Это вовсе не орки и гоблины
На службе у Тёмного Владыки
И Белой Колдуньи,
А совсем напротив —
Последняя твердыня
Осаждённого христианства,
Этакие беззаветные монахи-рыцари
Типа тамплиеров
Или там госпитальеров!

Ну а сам Владимир Владимирович
Получается в таком случае
Достойным нимба Людовика святого
И славы Ричарда Львиное сердце.

Нет уж,
Фигушки!

Франсуа Олланд, конечно, очень противный,
Можно сказать, богомерзкий,
Но к христианским ценностям
Даже он,
Ну ей-богу!
Всё-таки как-то поближе,

Чем наше
Родимое
ГПУ.

КУПЛЕТЫ ИЗ ВОДЕВИЛЯ «АНТИМАЙДАН, ИЛИ НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ»

Пан-атаман Таврический
Спасал зверей и птиц
И только спорадически
Сажал в тюрьму девиц.

Национал-предателей
Отечески журил
И слать к е..... матери
строжайше запретил!

Он дал отпор душителям
Всех пламенных идей,
Врагам-усыновителям
Российских малышей!

От ужасов анархии
Он нас освободил,
И гидру олигархии
В капусту покрошил!

Людей любил он вежливых,
Гимнасток и ткачих...
Каких ещё вам Брежневых
И Сталиных каких?

За оскорбление чувств верующих идолопоклонников
и не менее верующих фарисеев,

за злостное искажение классического наследия
великой античной
и священной иудейской культуры,

за экстремизм и возбуждение ненависти и вражды
к различным социальным группам
и отдельным официальным лицам,

за злостное хулиганство в храме
и препятствование законной коммерческой деятельности
на территории культовых сооружений,

за несанкционированные собрания и митинги
и систематическое нарушение общественного порядка,

а также за национал-предательство
и отказ от участия в военно-патриотическом воспитании
подростающего поколения

Иисус, именуемый Сыном Божиим,
привлечён к ответственности
и приговорён
к высшей мере наказания.

Но это было давно
и не у нас.

А у нас бы Он,
если бы снова,
удручённый ношей крестной,
в рабском виде

решил бы исходить, благословляя,
Российскую Федерацию,

получил бы от силы два,
ну три года общего режима.

Ну, максимум, четыре!

И это, дамы и господа,
наглядное свидетельство
неуклонного духовного возрождения
и торжества
истинных христианских ценностей!

Равно как верховенства закона
и вставания с колен.

Если в течение стольких лет
За нашим бокалом сидят
И девушек наших ведут в кабинет
Столько веков подряд —

Есть все основания предположить,
Что вовсе не наши они, может быть,
Что этот бокал чужой,
Чужие души, чужая плоть,
Что все это время — храни нас Господь —
Хозяин у них иной.

Ты понимаешь что-нибудь? — А ты?
— Пожалуй, нет. — Ну вот и я не очень.
Но чувствую нутром, как стал непрочен
Сей мир. Легко сказать — «Сотри черты

Случайные». А ну как пустоты
Под ними лик узришь уже воочью?
И шепчет он, помянут будь не к ночи:
«Пойми, пойми!» И понимаешь ты

Лишь то, что свет навеки обесточен
И глаз расфокусирован и лжив,
И что всему, что полный... — Между прочим,

Ты всё же жив. — Ну, жив... — Не «ну», а жив!
— Не понимаю. — Понимай, как хочешь.
— Что ж ты грубишь? — А что ж ты так труслив?

ГЕЙНЕ

Всё те же шуты и кастраты,
Что хаяли песню твою,
Считают теперь глуповатой
И спетою песню сию.

Приводят резоны такие,
Уж так убедительно врут,
Что сам я поверил впервые,
Что песенке нашей капут.

Но вот они сами запели
Во всю бесноватую прыть.
И понял я — сроки приспели
И время святых выносить!

Спасать эти топосы, лики,
Расхристанный иконостас.
Всю тяжесть священных реликвий
Мы вынесем, Генрих, сейчас.

Вот только куда их нести-то,
Где ж те катакомбы, певец,
Где нег этих чистых обитель,
Куда нам бежать наконец?

Сальери гордый, правды не сыскав
ни на земле, ни выше, стал убийцей.

Увы! С правдоискателями часто
такое происходит. Ну а Моцарт...

Ах Моцарт, Моцарт! ты-то отчего
не ищешь этой правды и не ропщешь
на полное отсутствие её?..
По недосугу, видимо...

А слушатель,
скачав «Женитьбу Фигаро» и вставив
наушники, вдруг узнаёт, что правда,
искомая, взаврадашняя правда,
похоже, существует в этом мире.

Ушам своим не верит пассажир.

Неподвижно лишь солнце любви!
Владимир Соловьёв

Вперёд, без страха и сомненья,
Как нам Плещеев завещал!
Зарю святого обновленья
Он предвещал и обещал.

Но солнце всходит и заходит,
Который уж, который век.
Без устали по кругу бродит
Вперёд и выше человек.

Без страха божьего блуждает,
Не сомневаясь, что вперёд —
Туда, где снова поджидает
Зари пленительный восход!

Одна заря спешит другую
Сменить, затмить и погасить.
Плещеев, бедный, ни в какую
Маршрут не хочет изменить.

Опять: «Вперёд, заре навстречу!»
Горячечный лепечет бред...

А за спиною ясный вечер
И тихий не вечерний свет.

Пытаясь прыгнуть выше носа,
Затылком грохнулся об пол.
Ну что, допрыгался, козёл?
Что, доупрямился, осёл?
Вот какова цена вопроса
«Чому я всё же не орёл?»

Так, на лопатках на обеих,
Как труп в пустыне, я лежу
И только вверх теперь гляжу
И скорбно говорю себе я:

«Гляди, козёл, вон Агнец в небе!
Дивись, осёл, летит Пегас!
Ввысь не подпрыгивать тебе бы,
Длиннее был бы мой рассказ!

Остались — вот как! — только рожки.
Вот так окончился полёт.
Сломив бессмысленную бошку,
Покойся с миром, бедный скот».

Спокойной вам ночи,
Приятного сна,
Желаю вам видеть
Козла и осла,

Козла до полночи,
Осла до утра.

Спокойной вам ночи,
Приятного сна.

«Ну?» — вопрошал я много лет
И слышал только «Гну!» в ответ.
Но, согнутый уже в дугу,
Я удержаться не могу

И вновь хриплю упрямо: «Ну?!»,
Чтоб вновь услышать это «Гну!!»
Согнув меня в бараний рог,
Он продолжает диалог.

Ну? — Гну! — Ну? — Гну! И как ему
Не надоело самому
Всё гнуть и гнуть!.. Но ни фига
Не надоело мне пока!

Что проку, милый, задавать
Вопрос «Что проку жить?»
Коль не намерен подыхать,
Так нечего блажить!

А коль намерен, так вопрос
И вовсе ни к чему,
Как говорил Иисус Христос
Пилату твоему,

Сенекам бедненьким твоим,
Чоранам-дурачкам...
Да лучше уж напиток в дым,
Как Ной, чем быть как Хам!

Тебе ль, обсосу, вопрошать,
Тебе ль, балбесу, ныть?
Да лучше уж на всё плевать
И друг друга любить!

Плевать, что с четырёх сторон
Чужая сторона!
Есть верх ещё и низ, и он
Без дна — ей-ей — без дна!

Так плюнь чрез левое плечо
Отравленной слюной!
Но постарайся не на всё,
В колодец не любой.

Переходя из зала в зал,
Я грешным делом заскучал.
Уорхолл, Пикассо, Дали
Меня утешить не смогли.

Ни алый клин и ни квадрат
Не тешили усталый взгляд.
И ни Моне и ни Мане
Не развлекли меня вполне.

Ничто во храмине искусств
Не грело охладелых чувств.
И я почувствовал облом
И скуку в светлом храме том.

И что мне проку от Венер,
Какой я с них возьму пример?
И что мне сей прелюбодей
С жопастой Саскией своей?

Но тут же был я поражён,
Во тьме узрев, как скорбно Он
Сынишку блудного прижал,
Как безнадежно Он молчал

И как потрёпанный сынок
Молчал, но не был одинок.
И как, сводя меня с ума,
Предвечная молчала тьма.

И молча я побрёл один,
Лукавый и приبلудный сын.

ПАСХАЛЬНОЕ

Или рыло в камуфляже,
Иль педрила в макияже,
Или даже, или даже
В златотканых ризах поп...
— Ну а ты хотел чего б?

Ну, наверное, хотел я,
Чтоб преобразилось тело,
Чтоб возобновился дух,
Чтобы не было мне пусто...
Чтоб от лжи тысячеустой
Я замкнул бы слух...

В общем, ни одно из двух
Выбирать я не намерен,
Даже, даже — будь уверен! —
Ни одно из трёх!

В камуфляже, в макияже,
В великодержавном раже
Не воскреснет Бог!

Пляшет смерть, кружатся беси...
Не воскреснет! Не воскресе!..

— Да уже воскрес, сынок!
Вытри глазки.

Чмок!

Чмок!

Чмок!

«Оставь надежду всяк...» — Спасибо, нет!
Не всяк, и не сюда, и не входящий,
И не оставлю! Без нее, ледащей,
Не мил ни тот, ни этот белый свет.

Хотя питать её на склоне лет
Накладно, ведь к моей печали вящей,
Похоже, булимией настоящей
Страдает этот жалкий оглоед!

Питание усиленное я
Своей надежде честно поставляю,
Хотя на что она — и сам не знаю.

И главное — ну был бы корм в коня,
А то хиреет ведь день ото дня!..
Я оправдать её уже не чаю.

Ах, песенки Шуберта, вальсы Шопена,
Ах, арии Фауста и Папагено!
О! даже канкан из «Орфея в аду»!
И даже романс «Отцвели уж в саду...»

Ах, все эти тексты и все эти звуки,
Журчанье клавира, бряцание лир,
Ах, оды, эподы, секвенции, фуги,
Ах, весь этот Дант, Кантемир и Омир!

Увы, оказался совсем не бессмертным
Игрушечный, праздничный, призрачный мир,
Заученный вхруст и затёртый до дыр,
Где пел Серафим и прокудили черти.

Уж вечер, Василий Андреич. Последний
Уж луч догорел, Пётр Ильич, навсегда.
Помянем, не чокаясь, рыцарей бедных!
Последний парад наступил, господа.

И мёртвый горнист заиграл в Ронсевале —
Вставай-подымайся, бесплотная рать!
Не стоит сдаваться, мой верный товарищ, —
Князь века скомандовал пленных не брать.

Не зря ж на щите своем Ave Regina
Ты клюквенной кровью успел начертать!
Ведь с музыкой велено нам помирать.
Час пробил. И музыка нас не покинет.

МОРАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОССА* НА АМОРАЛЬНУЮ ЧАСТУШКУ

*По деревне шёл Степан.
Был мороз трескучий.
У Степана х.. стоял.
Так, на всякий случай.*

*По деревне шел Степан.
Что сей Стёпа означает?
И куда же он шагает?
Не туда ль, куда Беньян
Пилигрима посылает?
Угадали. Точно так.
Сквозь крошечный этот мрак
Мимо тёщиного дома
Мой герой пройти готов,
Озирая мир знакомый,
Самый падший из миров.*

*Был мороз трескучий — в смысле
Ниже плитуса уже
Пал сей мир. Живой душе
В нём совсем уж стало кисло.
De profundis голосить
Нам, продрогшим, остаётся.
Лошадь бледная несётся,
Мраз трещит, и мрак смеётся,
Нежить начинает жить.*

*У Степана х.. стоял...
Тут синекдоха, наверно.*

* Глосса — ... 2) форма староиспанской поэзии, состоящая в том, что стихотворение-глосса пишется на тему, выраженную в стихотворном эпиграфе (мотто), причем каждая строка мотто последовательно заканчивает собой очередную строфу Г.

А. П. Квятковский «Поэтический словарь»

Значит Стёпа в этой скверне
Стойкости не потерял.
Твёрдость не утратил он,
Он остался несгибаем.
Вот и нам бы, раздолбаям,
Не сдаваться бы в полон,
Как бы ни был Враг силён.

Так, на всякий случай — то есть,
Что бы ни случилось впредь
Нам, задрыгам, претерпеть,
Встретим это изготовясь.
Честь предложена была —
Береги и все дела.
Бог не выдаст, свин не съест,
Коль сохранна будет честь.

Ты иди, Степан, иди
Невзирая на морозы,
На угрозы и психозы!
Случай всякий впереди!

СОДЕРЖАНИЕ

«Служенье муз и дружба с головою...»	5
«Что-то всё барахлит, не фурычит...»	7
«Далеко ль до беды? — Недалече...»	8
«Премьер-министр Столыпин...»	9
Сказка про белого бычка, попугая и сову	10
«На диване, в халате...»	12
«На Мерседесе красная звезда...»	13
«Один со страху мочится...»	14
«Ну хорошо. Давайте предположим...»	15
Искажение классики	17
«Мы ехали шагом, мы мчались в боях...»	18
«Не только мёртвые сраму не имут...»	19
«Сладко мне с тобой, Жуковский...»	20
«Вот снова я включаю...»	21
«Любить великую Отчизну...»	22
«Ах, евроатлантические страны...»	23
Куплеты из водевиля «Антимайдан, или Не было печали»	25
«За оскорбление чувств верующих идолопоклонников...»	26
«Если в течение стольких лет...»	28
«Ты понимаешь что-нибудь? — А ты?..»	29
Гейне	30
«Сальери гордый, правды не сыскав...»	31
«Вперёд, без страха и сомненья...»	32
«Пытаясь прыгнуть выше носа...»	33
«"Ну?" — вопрошал я много лет...»	34
«Что проку, милый, задавать...»	35
«Переходя из зала в зал...»	36
Пасхальное	37
«"Оставь надежду всяк..." — Спасибо, нет!..»	38
«Ах, песенки Шуберта, вальсы Шопена...»	39
Моралистическая глосса на аморальную частушку	40

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ «АВТОГРАФ» ИЗДАНЫ:

- **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- **С. Кекова.** Короткие письма
- **В. Салимон.** Невеселое солнце
- **И. Лиснянская.** После всего
- **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- **Н. Кононов.** Лепет
- **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- **С. Гандлевский.** Праздник
- **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- **В. Дроздов.** Стихотворения
- **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- **А. Цветков.** Стихотворения
- **Д. Новиков.** Караоке
- **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- **Т. Кибиров.** Парафразис
- **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- **В. Салимон.** Красная Москва
- **В. Зельченко.** Войско
- **Б. Кежеев.** Сочинитель звёзд
- **А. Битов.** В четверг после дождя
- **Л. Лосев.** Послесловие
- **И. Лиснянская.** Ветер покоя
- **В. Гандельсман.** Долгота дня
- **Е. Шварц.** Соло на раскалённой трубе
- **Т. Кибиров.** Интимная лирика
- **В. Павлова.** Второй язык
- **В. Кривулин.** Купание в иордани
- **М. Ерёмин.** Стихотворения
- **Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- **Д. Новиков.** Самопал
- **Т. Кибиров.** Нотации
- **В. Соснора.** Куда пошёл? И где окно?
- **С. Гандлевский.** Конспект
- **Б. Рыжий.** И всё такое...
- **П. Барскова.** Эвридей и Орфика
- **И. Лиснянская.** Музыка и берег
- **Л. Лосев.** Sisyphus redux
- **В. Дроздов.** Обратная перспектива
- **Т. Кибиров.** Amour, exil...
- **В. Соснора.** Флейта и прозаизмы
- **В. Гандельсман.** Тихое пальто
- **В. Павлова.** Линия отрыва

- В. Коваль. Участок с Полифемом
- Е. Шварц. Дикопись последнего времени
- Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
- А. Поляков. Орфографический минимум
- Б. Рыжий. На холодном ветру
- В. Соснора. Двери закрываются
- С. Кекова. На семи холмах
- П. Барскова. Арии
- М. Степанова. Тут — свет
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
- С. Стратановский. Рядом с Чечнёй
- А. Кушнер. Кустарник
- Е. Тиновская. Красавица и птица
- Т. Кибиров. Шалтай-болтай
- В. Гандельсман. Новые рифмы
- О. Чухонцев. Фифа
- Л. Лосев. Как я сказал
- Е. Шварц. Трость скорописца
- Д. Шереметьев. Улика
- В. Гандельсман. Школьный вальс
- С. Стратановский. На реке непрозрачной
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
- А. Цветков. Шекспир отдыхает
- В. Волченко. Без охраны
- Д. Воденников. Черновик
- Е. Шварц. Вино седьмого года
- Л. Элтанг. о чём пировать
- С. Гандлевский. Некоторые стихотворения
- В. Гандельсман. Исчезновение
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 4
- О. Седакова. Всё, и сразу
- Л. Лосев. Говорящий попугай
- П. Барскова. Прямое управление
- С. Стратановский. Смоковница
- В. Гандельсман. Ладейный эндшпиль
- В. Салимон. За лицевой стороной пейзажа
- С. Стратановский. Граффити
- Е. Шварц. Перелётная птица
- М. Степанова. Киреевский
- В. Гандельсман. Читающий расписание
- В. Гандельсман. Видение
- С. Стратановский. Иов и араб
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 5
- В. Гандельсман. Аркадия
- С. Стратановский. Молотком Некрасова
- Т. Кибиров. Время подумать уже о душе

**«ПУШКИНСКИМ ФОНДОМ»
В СЕРИИ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» ВЫПУЩЕНЫ:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни
- **А. Генис.** Пейзажи
- **С. Лурье.** Успехи ясновидения
- **О. Шамборант.** Срок годности
- **О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- **В. Соснора.** 15
- **С. Гандлевский.** Странные сближения
- **С. Лурье.** Нечто и взгляд
- **С. Лурье.** Изломанный аршин
- **С. Лурье.** Вороньим пером

В СЕРИИ КНИГ «ЗЕРКАЛО»:

- **В. Яновский.** Поля Елисейские
- **Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- **С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- **В. Соснора.** Дом дней
- **Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- **А. Битов.** Дерево
- **С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- **В. Соснора.** Книга пустот
- **В. Соснора.** Камни НЕГЕРЕП
- **И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- **Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

ВНЕСЕРИЙНЫЕ КНИГИ:

- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёменко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить
- **Е. Шварц.** Сочинения в 4 томах
- **С. Гандлевский.** Найти охотника
- **Б. Рыжий.** Стихи
- **В. Соснора.** Всадники
- **В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- **М. Дидусенко.** Полоса отчуждения
- **Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- **А. Березин.** Пики-козыри
- **Т. Кибиров.** Внеклассное чтение
- **А. Березин.** Самоорганизация материи
- **Е. Мороз.** Евреи и Рим
- **А. Мелихов.** Колочий треугольник

К 38

Кибиров Т.

Время подумать уже о душе. Книга новых стихов.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2015. — 48 с.

ISBN 978-5-89803-246-3

ББК 84. Р7

Кибиров Тимур Юрьевич

Время подумать уже о душе

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2015

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 500 экз. Заказ № 49

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86

Тел.: (812)322-6843

ПУШКИНСКИЙ ФОНД